

32. ЗЕНОНИКУМ

2144 год. Погожий летний день. Центральный ботанический сад в Минске полон праздного народа. Пройдя сквозь главный вход, над которым распластался в полете гигантский бронзовый аист, посетители прямо перед собой видят клумбу. Она выполнена в форме невысокого зеленого холма. Трава аккуратно подстрижена, контрастирует с бело-красно-белым цветком, растущим на вершине клумбы. Цветок — один-единственный. На табличке надпись: "ЗЕНОНИКУМ, семейство лилейных, род тюльпанов, выведен в конце 21 века в Минске".

Некоторые посетители недоумевают: можно было бы занять цветком всю клумбу, было бы еще красивее. Поясняет ботаник, который дежурит у клумбы:

"Во-первых, вспомните японцев: один цветок лучше, чем сто цветков, выражает цветочность цветка. Во-вторых, расскажу его историю. Цветок ЗЕНОНИКУМ впервые замечен в Беларуси в середине двадцать первого века. Это были трудные времена. Чтобы существовать, государство продавало пресную воду. Все ископаемые были или исчерпаны, или недоступны по причине технической отсталости. Беларусь богата подземными озерами. На западе подсчитали, что дешевле купить воду у нищих белорусов, чем транспортировать арктические айсберги. Проложили трубы, начали хищнически качать из Беларуси воду. У нас появились пустыни. Найти новые подземные озера стало сложно. Обратили внимание на необычный цветок красно-белых тонов. Он представлял род диких тюльпанов, появлялся там, где находилось подземное озеро. Цветок спас Беларусь. Когда наконец пришло разумное правительство, оно прекратило разбазаривать природные ресурсы. Тюльпан помог быстро обнаружить неразведанные запасы пресных вод. Напоили пустыни. Подъем страны начали с сельского хозяйства. Так как вода круговращалась дома, заполнились выкачанные подземные резервуары. Спасительный тюльпан решили увековечить. Ученые путем селекции придали ему больше архитектурной и колористической выразительности, укрупнили. Обратите внимание, по цвету он идентичен национальному флагу. Растение названо по имени общественного деятеля конца двадцатого века Зенона Позняка. В название предки вложили глубокий смысл. Желающие узнать, какой, могут приобрести у меня эквокпию (термин нынче отсутствует; видимо, нечто похожее на ксерокс — **А.К.**) из газеты "Свободные новости", издававшейся в конце 20 — середине 21 веков. Кто желает экво? Цена — один талер."

Беседа 1990 года

— Я рос сиротой. Отец и четыре близких родственника погибли на фронте. Деда моего, Яна Позняка, сталинисты погубили в 1939-м. Меня тоже репрессировали.

— Репрессировали?! Когда? Ты же с 1944-го.

— За неприятие политики КПСС, за дискуссию по этому поводу, за критику меня выгоняют из института. Зимой. На втором курсе. Выгоняют из общежития. У меня нет прописки, денег. Ехать к матери — значит, нанести ей удар. Ночью в подворотне, у знакомых, устраиваюсь на временные работы — без прописки не берут! — где-то разгружаю, рабочим сцены тружусь... Постоянный голод. Потом я все-таки восстановился в институте, на другое отделение. Организовал общество студентов. Читаем белорусские стихи, занимаемся историей. Выхожу на диплом с отличием. Остался один экзамен, государственный. Меня вызывают в ректорат и говорят: мы вас исключаем из института. Начинаются мытарства. Без работы, без права публиковаться. Такого голода я еще не знал... Удалось закончить институт. Тут интересное событие! Я боролся за Немигу. И удалось опубликовать статью в "Правде". О сохранении улицы Немига. В то время, в конце шестидесятых, публикация в "Правде" расценивалась как государственный документ. Это выбило оружие у моих противников. И мне удалось поступить в аспирантуру. Раньше не брали даже документов. И вот я окончил аспирантуру. Диссертацию писал по неизведанным страницам истории белорусского театра. Это привело к тому, что я вступил в конфликт со всем ученым советом. Прежде всего со своим научным руководителем, от которого я вынужден был отказаться. Тогда существовал список исторических личностей, о которых нельзя было вспоминать. А я о них писал. У меня украли диссертацию. Не дали возможности защититься. На работу никуда не устроиться. Звонок в отдел кадров — и все. Звонок в газету — и не публикуют. Меня загнали в больницу. Заработал порок сердца. Через десять лет защитил диссертацию. В Ленинграде. С отрицательным отзывом по политическим вопросам. Пришлось защищаться шесть часов, доказывать, что ты не верблюд, не фашист.

— Политика редко бывает моральной. Ты пошел в политику, шагнул в грязь. Неужели тебе это нравится, Зенон?

— Что мне в жизни не нравится и чем бы я никогда не хотел заниматься, — это политика. Я пошел в политику с таким фантастическим желанием: не вмешиваться ни в какую грязь и тем более не плодить никакой грязи.

— Возможно ли сие?

— Послушай дальше! Поэтому, только поэтому я за один год существования Белорусского народного фронта получил на свою голову столько помоев, столько грязи, столько мерзости, что за всю жизнь прожитую и будущую такого бы не имел. Но я иду, как говорят, со вторым дыханием. Я прекрасно понимаю, что меня ожидает. И эмоциональной оценки у меня нет. Как с гуся вода! Я понимаю, что партократия лишена морали. У них нет святого. У меня не должно быть адекватной реакции, иначе я умру — и буду выглядеть смешным человеком. Если передо мной встанет дилемма — совершить аморальный поступок, пойти на сделку с совестью, — я откажусь от политики.

— Зенон, играть приходится? Как принято в политике. Рассчитывать ход вперед, пять ходов? Чтобы обыграть противника. Обхитрить.

— Знаешь что, Анатолий! В чем во многих отношениях сила народного фронта — в НЕПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ, как ни странно. Мы действуем иногда не по правилам.

— Не по правилам политической игры?

— Да. И они — партократия — проигрывают нам очень часто. Они ожидают от нас совершенно иного действия. Самое главное — они не привычны к открытой честной жизни.

Комментарий 1999 года

Будущая жизнь, о которой мой друг-фантаст Зенон упоминал девять лет назад, наступила. Можно убедиться, что он пророк личной судьбы. Количество помоев, выливаемых на него, многократно увеличилось за счет того, что, кроме врагов, зенономаранием азартно занялись друзья, соратники, журналисты всех мастей.

Какие два самых известных имени Беларуси конца девяностых? Лукашенко и Позняк. Лукашенко известность далась по должности. А вольному Позняку — за что? Почему уже одиннадцать лет (с 1988-го) он окружен непреходящим вниманием общества? В любой аполитичной глухомани, озабоченной физическим выживанием, знают его фамилию. Произнесите вслух "ПОЗНЯК" — глухомань вмиг политизируется. Немощная бабка зардеется ненавистью к "фашисту". Небритый пьяница на секунду протрезвеет, чтобы увидеть в вас "позняковца", "недобитка". А колхозный председатель злорадно помечтает: "Запрячь бы этого крикуна в плуг да попахать!"

В 1990 году Позняк говорил мне: "Я вспоминаю "Калевалу". Есть там такой сюжет: как Вяйнямёйнен должен пройти сохой поле с гадюками. Главное — не оглядываться назад. И вот все эти гадюка шипят, бросаются, а он идет вперед спокойно. Пашет! Так хочу и я."

Чувства затмили колхозному вожаку разум. Иначе он понял бы, что Позняк одиннадцать лет пашет его одичавшее поле, гадюшник государственных инструкций. Если нет свободы, удачи, дождя, техники, удобрений, храбрости, ума — ищут врага, запрягают, пашут. Враг заменяет и тягловую лошадь, и козла отпущения.

Первым в конце восьмидесятых догадался пахать на Позняке партийный босс республики Соколов. Его опыт подхватил преемник Малофеев. Затем на Позняке пахали поочередно Кебич и Шушкевич. С 1994-го пашет Лукашенко. Феноменальная зависимость лица номер один от врага номер один!

Их пятеро, он бессменный. Незаезженный. Или они бессильны, или он двуязычен? Или они неполноценны, или он уникален?

Уверен, они думают о нем. Устав от забот и подхалимов, от страха и неуверенности, отходя ко сну, они сравнивают себя с ним. Тяжкие грехи власти ищут оправдания — и не находят. Ищут оценки — и натываются на вечного антипода Позняка. Подсознанием они ощущают, что сравнение не в их пользу. Он — их тайный стыд.

Когда они гладят ладонью голову сына (дочери) либо внука (внучки), обеспеченных папой (дедушкой) до старости, когда они наиболее моральны в пожеланиях отпрыскам добра, — тут возникает прокурор Позняк, задает неизменный вопрос: "Будешь признаваться, сколько накрал у народа?" И разрушается счастье.

Именно в подсознании первого лица закипает ненависть к оппоненту. Зенон Позняк — их личный враг. Свои интимные чувства госмужи, госбатьки и госдедушки материализуют пропагандистским аппаратом, который трансформирует личное в общественное.

Разлитая в обществе ненависть к Позняку несет в себе микробы источника, она лишена причинности. Попробуйте добиться, чем Позняк не угодил народу. ЧТОБЫ СОТВОРИТЬ ЗЛО, ОН НЕ ИМЕЛ ВЛАСТИ. Зато, скажут вам, он не любит русских. Не пытайтесь объяснить разницу между русскими людьми и русским шовинизмом — пропустят мимо ушей. Скажут, что Позняк борется за "какой-то флаг", а надо бороться за хлеб. И подозрительно на вас посмотрят, если вы незнакомец, или постараются перевести разговор на другую тему, если знают вас.

“Позняковца” в народе ненавидят в большей степени, чем Позняка. Проявляется интуитивная неприязнь к всякой пропаганде и контрпропаганде. Президентский аппарат более успешен, к популизму ловко примешивает незабытую гордость народа за Победу 1945-го. БНФ использует НЕУЛОВИМОЕ, что неэффективно (реставрация патриотизма на древнем примере Оршанской битвы, запись в эфемерное гражданство БНР). На пропагандистский успех способен Позняк при непосредственном контакте. В 1990 году я наблюдал, как на встречах с избирателями он покорял людей откровенностью, идеалистичностью. В Верховный Совет двенадцатого созыва Позняк попал с первого тура. Соперники шли под популистскими лозунгами, Позняк — под белорусским идеалом: суверенитет, свобода, независимость.

Его историческая миссия удалась бы, если бы он встретился с каждым белорусом. Духовная связь между ним и народом несомненна, однако так высоко пролегает, что неосязаема. Позняк непомерно завысил планку. Космические звезды не греют белоруса. Белорус не ищет истину, а адаптируется к сложившимся реалиям. На биологической приспособляемости нации государство цинично строит свою приземленную политику. В земле и бульба, и душа белоруса. Я видел, как белорусская душа прорастала там, где появлялся Зенон. Он — ОРГАНИЗМ-ИНДИКАТОР, свидетельствующий о существовании неоткрытых полезных ископаемых Беларуси — Суверенитета, Свободы, Независимости.

Установить человеческий контакт с каждым избирателем физически невозможно. Позняка предусмотрительно лишили и телеэфира. Чуткий индикатор превратился в изолированного политика. Обаяние заменила партийная структура БНФ. Из максимализма вылез вождизм. Позняк вступил на политическое поле, где установлены жесткие ПРАВИЛА ИГРЫ И ЛИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ. Он раздвоился: в общении стал по-новому монологичен, в игре — по-старому фантастичен.

Играя по собственным правилам, Позняк проиграл партократии в начале девяностых, когда та была растеряна и побеждаема, а БНФ — почти доминировал в Верховном Совете. Оставалось переступить “почти”: оказать давление на колеблющихся депутатов, вплоть до угроз и подкупа (в Москве стреляли из танка по Дому правительства). Вступить в грязь. Однако СИНДРОМ ЧИСТЫХ РУК помешал Позняку повторить тупиковые пути его братьев-романтиков, националистов Гамсахурдия (Грузия), Эльчибея (Азербайджан), Дудаева (Чечня), Ландсбергиса (Литва). Позняк потерял бы власть, взятую не вовремя, так же быстро, как они, и был бы сейчас никто. Так кто же он сейчас?

В 1998-м, незадолго до отъезда за границу, Василь Быков признался мне, что устал от политики. "И все равно участвуете в мероприятиях БНФ!" — "Я не идеолог БНФ, как меня называют. Но, кроме БНФ, в обществе нет силы, здоровой в нравственном плане. Из-за моральных тормозов Позняк упустил успех в 1991-м. Надо было не церемониться с коммунистами, а брать власть."

Быков в начале девяностых называл Позняка пророком белорусов, а в 1996-м оправдывал его эмиграцию, которая провозвестила грядущие исчезновения Юрия Захаренко и Виктора Гончара (щелкоперы и враги продолжают унижать обвинениями в трусости кандидата на исчезновение номер один — Позняка). Неужто писатель, сам по сути пророк, изгнанный из отечества, разочарован крестником? Потому разочарован, что Позняк не подчинился общепринятым нормам и не наплодил новой грязи? Быков понимает НЕИЗБЕЖНОСТЬ НЕЧИСТОТЫ, отчего печален-раздражен?

Во взаимоотношениях выдающихся современников Быкова и Позняка — весь трагизм Беларуси и белорусов накануне нового века.

В 1999-м Позняк отказался участвовать в подпольных выборах президента. Не потому, что были подпольны, а потому, что были сфальсифицированы по классической схеме. Соратники по оппозиции оказались виртуозами нечистоплотных игр. Если бы они дружно последовали за щепетильным вождем, они бы остались не у дел. Взяв на вооружение традиционные правила политической борьбы за власть, они начали марать Позняка, отталкивать его как досадную, ненужную, надоевшую помеху.

Власть — не его женщина. Она любит возбуждающее изнасилование, он так не может. Ее облапают другие. Один из руководителей "молодого фронта" по радио "Свобода" осуждал "старых фронтовиков" за то, что всегда хотят "выйти из ситуации с чистыми руками". Молодому — и лапать.

А Зенон Позняк — индикатор-эталон. Он иногда бывает нужен и народу, и врагам, и соратникам. Беларусь готова поместить его в Красную книгу либо заморозить, да нет пока надежных технологий сохранения БУДУЩЕГО, которое явилось преждевременно.

1999